

На правах рукописи

МАЛОЗЁМОВА ЕЛЕНА ИГОРЕВНА

ИРАНСКОЕ ХОЛОДНОЕ ОРУЖИЕ IX-XIX ВВ.

Специальность 07.00.07 - этнография, этнология, антропология.

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Санкт-Петербург

2008

Диссертация выполнена в Отделе этнографии народов Южной и Юго-Западной Азии Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН.

Научный руководитель: доктор исторических наук
Родионов М.А.

Официальные оппоненты: доктор исторических наук
член-корреспондент РАН
Арутюнов С.А.
кандидат исторических наук
Дмитриев В.А.

Ведущая организация: Институт Востоковедения РАН

Защита состоится в 15.00 в аудитории № А 416 на заседании диссертационного совета № Д.501.001.78 по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата исторических наук при Московском государственном университете им. М.В.Ломоносова по адресу 119992, г. Москва, Ломоносовский пр., д. 27, корп. 4, МГУ, ПУК.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке МГУ им. М.В.Ломоносова.

Автореферат разослан «.....» _____ 2008 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
кандидат исторических наук, доцент

Ю.И. Зверева

Общая характеристика работы

Актуальность исследования выражается в определении семиотического статуса иранского холодного оружия IX – XIX вв. с использованием современных методов этнокультурного анализа, позволяющих выявить роль холодного оружия в иранской культуре не только в указанный период, но и в наши дни. **Новизна** заключается в том, что эти вопросы в общем контексте иранской культуры исламского периода не были до сих пор предметом отдельного исследования, а так же в том, что автор вводит в научный оборот новый комплекс материальных памятников иранского холодного оружия из фондов и экспозиций МАЭ РАН.

Объектом исследования является иранское холодное оружие исламского времени. **Предмет исследования** - семантика холодного, преимущественно клинкового, оружия в иранской культуре, а также факторы, способствовавшие формированию его семиотического статуса. Оборонительное вооружение в данном исследовании не рассматривается.

Основная цель данного исследования - изучить особенности представления о холодном, преимущественно клинковом, оружии в иранской культуре исламского периода и выявить его семиотический статус.

Задачи исследования, продиктованные его целью, следующие:

1. охарактеризовать основные этапы развития иранского холодного оружия;
2. оценить возможные влияния оружия соседних регионов и культур на формирование отдельных видов иранского клинкового оружия;
3. выявить идентификационные признаки предметов иранского клинкового оружия;
4. выявить основные центры производства иранского холодного оружия;
5. описать основные материалы, технологии производства клинкового оружия;

6. проанализировать особенности и определить семантику декоративного оформления предметов иранского клинкового оружия;

7. выявить сферы использования холодного клинкового оружия в иранской культуре и в контексте ислама.

Так же в соответствии с целями и задачами исследования проведен ретроспективный анализ развития, функционирования и символического значения предметов холодного оружия; составлен иллюстрированный каталог предметов иранского холодного оружия, хранящихся в коллекции МАЭ РАН.

Хронологические рамки исследования охватывают период с IX по XIX вв., то есть с момента сложения исламской культуры на территории Ирана и до конца XIX в., когда прагматические функции холодного оружия начинают быстро утрачиваться. Наибольшее внимание уделяется XVI – XIX вв., к которым относится большинство известных образцов иранского холодного оружия, хотя самый ранний экземпляр иранского оружия исламского периода датируется, по мнению специалистов, IX в.

Источниковая база исследования состоит из нескольких групп:

Во-первых, предметный материал, представляющий собой образцы опубликованного и неопубликованного иранского холодного оружия, хранящиеся в разных коллекциях мира. Особое внимание уделено памятникам иранского холодного оружия из коллекций МАЭ РАН. В связи с этим были изучены описи соответствующих коллекций, всего в количестве 20 документов из архива МАЭ РАН.

Во-вторых, были использованы письменные источники, включающие восточные научные сочинения (трактат «О железе, из которого отливаются мечи» Абу Йусуфа Йакуба ибн Исхака ал-Кинди IX в., «Минералогия» автора рубежа X-XI вв. Абу-р-Райхана Бируни, трактат Абу-л-Фазля Хубайша Тифлиси «Описание ремесел», а также художественные сочинения разного времени («Книга деяний Ардашира сына Папака», «Шах-наме» Абу-л-Касема Фирдоуси и др.), священные тексты зороастризма и ислама (Авеста, Коран, Хадисы пророка), труды античных историков («История» Геродота,

«Киропедия» и «Анабасис» Ксенофонта, «Римская история» Аммиана Марцеллина), записки путешественников (М. Поло «Книга о разнообразии мира», XIII в.; Руи Гонсалес де Клавихо «Дневник путешествия в Самарканд ко двору Тимура, 1403-1406 гг.»; Дж. Шарден «Путешествие в Персию», XVII в.; А. Олеарий «Путешествие в Московию и Персию» XVII в.) и др.

В-третьих, был привлечен изобразительный материал, включающий памятники живописи разного времени, а также изображения холодного оружия на предметах декоративно-прикладного искусства.

Степень научной разработанности темы.

Исследований, посвященных иранскому холодному оружию исламского периода, весьма мало как в зарубежной, так и особенно в отечественной науке. Это объясняется, прежде всего, отсутствием материальных памятников раннеисламского времени, что затрудняет изучение проблемы формирования того или иного типа оружия, а также выработку четкой классификации и типологизации памятников.

Основным научным трудом, посвященным иранскому холодному оружию, стала монография М.М. Хорасани «Arms and Armor from Iran. The Bronze Age to the End of the Qajar Period», вышедшая в 2006 г. Как явствует из названия, работа посвящена исследованию холодного оружия не только исламского времени, но и древнего периода. В основной части приводятся характеристики разных типов наступательного и оборонительного оружия, найденного или изготовленного на территории Ирана, дается развернутая справка о материалах и техниках изготовления оружия, поясняется терминология и аспекты его применения. Вторая часть представляет собой каталог памятников иранского холодного оружия, хранящихся в музейных и частных коллекциях Ирана. Этот труд обобщает предыдущие исследования, среди которых самое раннее вероятно принадлежит Д. Хаммер-Пургшталлю, прокомментировавшему трактат Абу Йусуфа Йакуба ибн Исхака ал-Кинди «О железе, из которого отливаются мечи» и давшему выдержки из оригинального текста (1854 г.). П. фон Винклер написал работу, в которой упоминается, в

частности, исламское и иранское холодное оружие (1894 г.). Описание коллекций и путеводители по Императорскому арсеналу составили во второй половине XIX в. Ф. Жиль, Е.А. Кеммерер, Э.Э. Ленц.

В отечественной науке отдельные памятники иранского холодного оружия исследуются преимущественно А.А. Ивановым. Изучением холодного оружия других исламских стран занимаются Г.Э. Введенский и Ю.А. Миллер (оружие Турции), Э.Г. Аствацатурян (турецкое и кавказское оружие) и др.

Из зарубежных исследователей, писавших об иранском холодном оружии, следует выделить Х. Стоклайна, автора довольно обширного обзора по иранскому холодному оружию «Arms and Armour», помещенной в третьем томе издания А. Поупа «A Survey of Persian Art», вышедшем в Нью-Йорке в 1939 г., а также А.С. Меликян-Ширвани, публикующего статьи по отдельным памятникам иранского холодного оружия (1979 г.). Польский исследователь Л. Кобылински занимается изучением иранского и индо-иранского оружия, хранящегося в польских коллекциях. В 2000 г. в издании «Persian and Indo-Persian Arms and Armour of 16th-19th Centuries from Polish Collections» была опубликована его статья о персидском и индо-персидском оружии. Исследования, затрагивающие вопросы исламского оружия в целом, принадлежат таким западным исследователям как Д. Николь (1976 г.), Д. Александр (1992 г.), Ф. Уилкинсон (1967 г.), А. Норт (1985 г.).

В странах исламского мира проблемы иранского холодного оружия также остаются мало изученными. Общие сведения о холодном оружии Ирана периода Сефевидов приводят турецкие исследователи У. Йутгаль и А.А. Угалы в работе «As-suyuf al-islamiya», вышедшей в Кувейте в 1988 г. и посвященной собранию оружия в Музее Топ Капы. В статье С.А. Салимана об иранском клинковом оружии «Qat min as-silah al-iraniya bi mathaf al-fan al-islamiya» из книги «Darasat fi-l-fan al-farsiya», опубликованной в Каире в 1971 г., приводится информация о степени изученности иранского холодного оружия, об основных источниках его поступления в музеи, а также дается краткая история развития клинкового оружия в Иране.

Методологической основой диссертационного исследования являются комплексный системный подход, а также совокупность общенаучных (сравнительно-типологический и т. д.) и частнонаучных (историко-этнографический, лингвистический, искусствоведческий) методов. В исследовании применен хронологический принцип.

Практическое значение работы состоит в том, что ее результаты могут быть применены для общей оценки оружейной культуры в иранской традиции, и разработке курса по изучению этой культуры. Материалы диссертации могут быть использованы в новых исследованиях по проблемам, касающимся иранской оружейной культуры, этнографии иранских народов, истории иранского государства.

Апробация работы. Основные положения диссертации нашли отражение в статьях, опубликованных в научных сборниках России, в научном сообщении на I Международном коллоквиуме молодых ученых «Науки о культуре в новом тысячелетии» (ГПУ им. К.Д. Ушинского, г. Ярославль), в сообщениях на заседаниях Отдела этнографии народов Южной и Юго-Западной Азии, в семинарах, проведенных на данную тему, а также консультациях специалистов из Государственного Эрмитажа, Британской национальной библиотеки и коллекции Уоллес (Лондон).

Структура работы. Работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка источников и литературы, альбома иллюстраций и приложения. В приложении дается общая характеристика коллекции холодного оружия ираноязычных народов, а также иллюстрированный каталог клинкового и ударного оружия народов иранской языковой группы в коллекции Музея Антропологии и Этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН.

Содержание работы

Во **введении** обосновывается актуальность и научная новизна темы исследования, определяются его объект и предмет, а также хронологические рамки, характеризуется научная разработанность темы, ставятся его цели и

задачи, приводятся сведения об источниках, определяется методология, раскрывается практическая значимость исследования.

Первая глава носит название «Холодное оружие древних иранцев в контексте культур Ближнего Востока».

Появление иранцев на территории Ближнего Востока зафиксировано в письменных источниках ассирийцев в IX в. до н. э. Это время ознаменовалось частыми вооруженными столкновениями между ближневосточными государствами (Ассирией, Вавилоном, Урарту, Эламом), в которых иранские племена как кочевники скифы, так и осевшие на территории Иранского нагорья мидийцы и персы начали играть активную роль. В культурном пространстве Ближнего Востока начала I тыс. до н. э. появился новый, иранский, компонент, который к середине тысячелетия стал доминирующим, благодаря избранной иранцами модели поведения, одним из элементов которой стала вооруженная борьба.

Война была важным элементом соционормативной сферы культуры иранского этноса, закрепившись не только на утилитарно-бытовом, но и знаково-символическом уровне. Согласно текстам Авесты, позволяющим в некоторой степени представить уровень религиозного сознания и морально-этический кодекс иранцев еще до их прихода на Иранское плато, война вовлекалась в обрядово-ритуальную сферу как способ борьбы космоса с хаосом. Авестийские боги Вайю и Митра представлены в образах отважных воинов-вождей, вооруженных высококлассным оружием, которое у Митры и еще одного авестийского божества Сраоши наделено магическими свойствами.

Таким образом, оружие, как неотъемлемый атрибут войны, вовлекается в древнеиранской традиции в соционормативную сферу культуры. Однако оно так же входит и в культуру жизнеобеспечения, как элемент мужского костюма, и в культуру первичного производства, и в гуманитарную сферу, поскольку его производство всегда было сопряжено с научными знаниями, а предметы вооружения, использовавшиеся во время ритуальных церемоний, представляли собой памятники декоративно-прикладного искусства.

Яркими подтверждениями последнему заключению служат не только сравнительно поздние для культур Ближнего Востока материальные памятники иранской культуры, но и предметы вооружения, памятники искусства и содержащие сведения об оружейной культуре литературные тексты древнейших ближневосточных народов.

Со времен эпохи бронзы культурный контекст на территории Ближнего Востока формировали месопотамская и малоазийская цивилизации. К этому времени в этих культурных традициях были известны практически все виды холодного оружия: дротики, лук и стрелы, боевые топоры, копья, булавы, кинжалы.

У шумеров, судя по их письменным источникам и памятникам искусства, наиболее выраженным этнографическим значением обладал топор. У аккадцев, ассирийцев и вавилонян основным предметом вооружения были лук и стрелы. Высокий этнографический статус в их оружейной культуре этого периода был и у кинжала как с коротким, так и с длинным клинком.

В культурах Малой Азии, которые еще с 3-его тыс. до н. э. были наиболее передовыми с точки зрения металлообработки и оружейного дела, главным социальным маркером служил кинжал, о чем говорят находки кинжалов с железными клинками и клинками из драгоценных металлов еще в погребениях Дорака 3-его тыс. до н. э. В других захоронениях этого периода на территории Малой Азии (Аладжа-Хююк) были обнаружены топор с золотой обкладкой и копья, вовлеченные, таким образом, как и кинжал в обрядово-ритуальную сферу культуры. Для следующего тысячелетия в культуре малоазийских народов, в первую очередь, хурритов и хеттов, клинковое оружие продолжало играть в обрядово-ритуальной сфере заметную роль – меч или длинный кинжал рассматривался как божество (рельеф из Язылы-Кая). Одновременно в различных хеттских обрядах большое значение, судя по хеттским письменным источникам, играло копьё. При этом, опираясь на данные этих источников, оружие входило в категории внешнего/мирского и несло семиотический статус как знака только воинской силы одинаково богов и людей.

В столь развитую на Ближнем Востоке культуру оружия иранцы внесли свои традиции и представления, известные по источникам различного характера: письменным документам, памятникам материальной культуры и искусства.

Для периода VIII-IV вв. письменными источниками, содержащими сведения об иранских племенах, стали ассирийские тексты, библейские тексты, а также сочинения античных авторов Геродота, Страбона, Плиния, Помпония Мелы и др. При анализе социального статуса холодного оружия в скифской культуре автор данного диссертационного исследования опирался преимущественно на «Историю» Геродота. «Скифская» часть того сочинения считается специалистами этнографически очень точной. Данные письменных источников, касающиеся культуры скифского оружия, дополняются предметами вооружения, обнаруженными в процессе археологических раскопок комплексов скифской культуры. Стоит отметить, что оружейная культура скифов исследована в отечественной и зарубежной науке много лучше, чем оружейная культура современных скифам оседлых иранцев, а также иранская оружейная культура, начиная с III в. до н. э. и далее.

Оружие не только было существенной частью жизненного уклада воинственных скифских племен, но и обладало высоким этнографическим статусом. Клинковое оружие (секира и не известный в других ближневосточных культурах короткий меч) фигурирует в записанных греками скифских легендах: его скифы используют в обряде побратимства, а также ритуалах, посвященных богу войны, воплощением которого становится короткий меч, часто называемый акинаком. Декорированный священным для скифов золотом, короткий меч практически всегда входит в инвентарь исключительно царского погребения. Этот предмет вооружения обладал наиболее высоким и сложным этнографическим статусом: воплощение бога, знак почти исключительно царской власти, маркер мужского пола. Секира, которую часто клали в погребения не только царей, но и воинов высокого ранга, была знаком воинской чести и силы как богов, так и людей.

В мидийской и персидской оружейной культуре времени правления династии Ахеменидов (VI – IV вв. до н. э.) короткие мечи тоже были распространены, равно как и ряд других предметов вооружения, включая разного рода кинжалы. Типология некоторых из них восходит к древневосточным, доиранским образцам. Кроме того, в иранской армии использовалось оружие, близкое, с одной стороны, к греческой махайре, а с другой, напоминающее саблю.

К клинковому оружию в персидской среде относились весьма почтительно: его использовали в качестве царских даров союзникам и отличившимся воинам. После падения Ахеменидской державы древнеиранские традиции в оружейной культуре были сохранены и развиты в Парфянском государстве (сер. III в. до н.э. – первая четверть III в. н.э.) и государстве Сасанидов (вторая четверть III-середина VII вв.).

Сасанидские владыки, стремившиеся возвести свое происхождение к Ахеменидам, продолжили их военные традиции. Войну Сасаниды продолжали воспринимать как ритуальное действо, с царем как главным его участником. В зороастрийские храмы жертвовались предметы вооружения, некоторые из которых (меч и булава) стали использоваться жрецами в ритуалах возжигания огня, а потом развешивались на стенах, символизируя воинственную природу огня. Война со стороны иранцев рассматривалась как праведная, ведущаяся против Лжи под покровительством богов.

Оружие использовалось не только в ритуале войны, но и в ритуале царской охоты, известном еще в месопотамской традиции с 4-го тыс. до н. э. и закрепившемся в ассирийской культуре, особенно с IX в. до н. э., а также практиковавшемся при Ахеменидах, но исключительно широкое распространение получившем в Сасанидские времена. Судя по данным письменных источников и памятникам искусства, Сасанидские шахи во время охоты использовали преимущественно метательное оружие, хотя есть довольно много изображений Сасанидских шахов, поражающих зверей мечом. Тем не менее, клинковое оружие, в первую очередь длинный меч, введенный еще при

Ахеменидах и использовавшийся парфянами, в сценах охоты чаще просто служил атрибутом парадного платья шаха. Единственным предметом вооружения шаха и его приближенных меч оказывается в сценах царских триумфов, символизирующих победу добродетельного царя над Злом, и инвеститурных сценах. Ритуальные функции меча, связанные с репрезентацией могущественной царской власти, подчеркиваются и его присутствием как единственного предмета вооружения в костюме царя, предстоящего у алтаря огня, что хорошо видно на монетах Сасанидских владык. Меч был важен не только в церемониях с участием шаха, но и в аристократической культуре в целом, служа своеобразным знаком отличия аристократа от простолюдина.

Культура меча была хорошо развита не только в самом Иране, но и в иранской среде сопредельных районах. Памятники искусства позволяют очертить пространство культуры холодного оружия в Бактрии кушанского времени, Согдиане V-VII вв. Например, скульптура Халчаяна (начало новой эры) указывает на статус меча тоже как социального маркера аристократической культуры; пенджикентские росписи также свидетельствуют о мече как знаке принадлежности к аристократическому сословию, а также к купечеству, которое в среднеазиатской среде, в отличие от Ирана, по положению приближалось к аристократии. В согдийской культуре высоким этнографическим статусом как знак престижа обладали еще кинжалы, которые в Сасанидском Иране были в этом качестве менее распространены.

Представления о холодном, и в частности, клинковом оружии как предмете с высоким семиотическим статусом не только в бытовой, он и обрядово-ритуальной сфере, появившиеся еще в древнеиранской среде, были сохранены и развиты в последующие времена иранской истории вплоть до прихода на территории распространения иранской культуры ислама.

Периоду от начала широкого распространения ислама и до XV в., времени массового появления материальных памятников холодного оружия исламского периода, посвящена **вторая глава** работы – «Иранское оружие IX – XV вв.».

Ислам в Иран пришел как религия завоевателей во второй четверти VII в. и стал одним из доминирующих факторов в дальнейшем развитии иранской культуры. IX-X вв. – время взаимодействия иранских доисламских принципов организации общества с нормами жизни согласно исламскому закону. Проследить этот процесс в оружейном деле, в отличие от других ремесел, довольно трудно, поскольку материальных памятников раннеисламского времени исключительно мало, а для того, что имеется, нет абсолютно достоверных атрибуций. Коллекцией холодного оружия, появившегося, возможно, в начальный период ислама, обладают музей Топ-Капы и Турецкий военный музей.

Атрибутировать и датировать восточное оружие весьма непросто, поскольку в типах и оформлении предметов вооружения, выполненных в разных странах исламского мира, общее преобладает над частным, локальным. Только с появлением массового материала в XVI в. в разных этнических культурах вырабатываются весьма четкие стилистические особенности в оформлении предметов вооружения, определенные различия в их типах. Но и эти особенности, один раз сформировавшись, далее от века к веку изменяются не всегда выражено, что затрудняет датировку. Единственный способ датировки и атрибутирования предметов холодного оружия – это тщательный анализ орнаментики. Для предположительно раннеисламского оружия ситуация осложняется отсутствием клейм мастеров и незначительным изобразительным материалом, позволяющим стилистические сопоставления.

Что касается иранского оружия раннеисламского времени, то малое количество образцов этого периода, сохранившихся до настоящего времени, и невозможность вычленив из их числа иранские не позволяет проследить развитие иранского оружия в первые несколько веков после прихода в Иран ислама. Для данного периода (по крайней мере, до XIII в.) наиболее информативными источниками становятся письменные тексты и изображения предметов вооружения в монументальной и особенно миниатюрной живописи Ближнего и Среднего Востока.

Судя по изображениям и данным письменных источников, самые ранние среди которых - Коран и хадисы Пророка, дающие представление о предметах вооружения арабов и традиции их оружейной культуры этого и до некоторой степени предшествующего исламу периода, можно уверенно говорить о продолжении использования прямого обоюдоострого меча и арабами, и иранцами в качестве основного типа клинкового оружия.

После принятия ислама в Иране некоторые представления об оружии арабской традиции распространились в пространстве иранской культуры. В первую очередь это касается представлений о знаменитом мече пророка Зу-л-фикаре, ставшим символом мощи ислама. В Иране известны подражания этому мечу (образцы есть в фондах МАЭ РАН).

Что касается представления собственно о войне, то в поэме Абу-л-Касема Фирдоуси «Шах-наме» рубежа X-XI вв. есть свидетельства о том, что иранцы продолжали воспринимать ее как праведное деяние, а предметы вооружения по-прежнему обладали выраженным этнографическим статусом разного уровня и значения. Все оружие, упомянутое в текстах «Шах-наме», встречается в разных контекстах: и как боевое, и как этикетное. В качестве охотничьего оружия чаще всего фигурируют, как и прежде лук со стрелами, выраженным этнографическим статусом в значении символа власти и жреческого сана (реликт доисламской культурной традиции) фигурирует золотая или быкоголовая булава, в качестве оружия героя и социального маркера воина-аристократа выступает клинок.

О характере клинкового оружия - меч или сабля – на основе текстов «Шах-наме» ничего конкретного сказать нельзя, поскольку основным, но не единственным термином для обозначения длинноклинкового оружия у Фирдоуси является *šamšir*, который в персидском языке закрепится со значением как меча, так и уже известной в период составления поэмы сабли. Этот факт, в свою очередь, свидетельствует о том, что в иранской культуре характер клинка длинноклинкового оружия не был определяющим при формировании его основного этнографического статуса. Другие термины,

использованные в текстах «Шах-наме», обозначают либо клинковое оружие с коротким клинком: кинжал (*dašne, tigh*) или нож (*kard*), либо просто клинок (*tigh*). Термин *kalachuri*, фигурирующий в тексте поэмы, тоже обозначает меч. Тщательный анализ оружейной терминологии «Шах-наме» позволил бы уточнить семантический статус предметов вооружения в иранской культуре на период начала XI в. и более раннего периода (в том числе и времени правления Сасанидов), принимая во внимание характер текста поэмы и обстоятельства ее написания. Однако и краткий анализ, проведенный в диссертации, позволяет сделать вывод о сохранении предметами вооружения выраженного этнографического статуса в иранской культуре с преобладанием клинкового оружия в качестве социального знака военной аристократии, а булавы как символа монаршей власти.

Стоит отметить, что некоторые сведения о сохранении этих традиций в иранской и в целом ближневосточной среде содержатся в научных сочинениях на арабском и персидском языках. Основная информация в таких письменных источниках касается преимущественно технологий производства стали, методов обработки оружия, разновидностей клинков и терминологии. Один из самых первых авторов, оставивших сведения о производстве стали и предметов вооружения, был арабский философ и химик Абу Йусуф Йакуб ибн Исхак ал-Кинди (ум. В 70-ые гг. IX в.). Сведения о разных типах стали и, в частности булате, о местах производства, а также о способах декорирования клинков содержатся в трактатах Абу-р-Райхана Бируни «Минералогия», Абу-л-Фазля Хубайша Тифлиси «Байан ас-сана'ат» и др.

Еще один источник, дающий сведения об особенностях иранской оружейной традиции, это, как уже было указано, изобразительный материал: иллюстрации к письменным текстам, а также предметы монументального и декоративно-прикладного искусства. Этот источник, равно как и письменность, особенно ценен в условиях отсутствия материальных памятников.

Самые ранние образцы изобразительного искусства, известные на территории Ирана исламского времени, происходят из Нишапура и относятся к

IX в. На одной из стенных росписей было обнаружено изображение аристократического сокольничего, к поясу которого подвешены образцы длинноклинкового оружия, один из которых просматривается хуже, но, по всей вероятности, это меч, а другой – четко выраженная сабля. Знакомство иранцев с саблями в IX в. подтверждает и самый древний, обнаруженный на территории Хорасана и датируемый этим периодом, слегка искривленный клинок со следами золотого декора. Другие изображения более позднего времени (преимущественно на предметах декоративно-прикладного искусства X-XI вв.) демонстрируют в руках воинов либо слегка кривой в верхней трети, либо прямой клинок, что также говорит о функционировании обеих разновидностей клинкового оружия в среде иранской аристократии уже в IX-XI вв.

Кроме типов клинков, изобразительный материал показывает и отличия в положении клинкового оружия в руках его обладателей в зависимости от характера церемонии. В тронных сценах с участием приближенных, стоящих рядом с сидящим на троне правителем, клинки в их руках чаще всего подняты в вертикальном положении и положены на правое плечо, близко к шее. Это положение, если опираться на данные более поздних письменных источников, должно было символизировать подчинение его обладателя правителю и Аллаху. При этом оружие могло быть как открыто, так и зачехлено, с рукоятью, вложенной в руку или поднятой вверх. Анализ изображений позволяет охарактеризовать стоящих у царского трона как личных гвардейцев правителя в первом случае и оруженосцев во втором.

В дальнейшем, в XII-XIII вв. изобразительный материал продолжает демонстрировать сосуществование прямого и искривленного типов клинкового оружия. При этом прямой клинок сохраняется преимущественно в сфере боевого оружия, хотя встречается в руках аристократов.

Для периода с XIII в., то есть со времени вторжения в Иран монголов, основным источником информации становится миниатюрная живопись, точно отражающая реалии. Миниатюры демонстрируют не только разные типы длинноклинкового оружия, что уже отмечалось для более раннего времени, но

и их одновременное функционирование в тронных церемониях. Кроме того, изобразительный материал позволяет выявить преобладание в иранской аристократической культуре кривого клинка, сабли, ко второй половине – концу XIV в. Совокупный анализ изобразительного материала, первых материальных памятников и данных письменных источников позволяет заключить, что в IX в. сабля была еще новым предметом холодного оружия для иранцев и, скорее всего, была маркером монаршего достоинства или принадлежности к царской семье. Со второй половины XIV в. сабля постепенно выходит за пределы ближайшего царского окружения, становясь социальным маркером аристократического сословия.

Стоит отметить, что помимо длинноклинкового оружия, на миниатюрах XIII и особенно XIV-XV вв. изображаются и кинжалы разных типов, а также секиры.

В XIV-XV вв. оружейные традиции иранцев продолжают преобладать в придворной культуре. На миниатюрах этого времени – все те же типы оружия, фигурирующие и в качестве личного оружия правителя, и как оружие его приближенных. Продолжает расширяться ареал распространения сабли, меч же, возможно, сохраняется как оружие пеших воинов и как этикетное оружие, наследуемое от предков. При этом, как повествуют письменные источники, к XV в. использование клинка в иранской этнокультурной традиции было сопряжено с исполнением воли Аллаха и демонстрировало рыцарские манеры его владельца, в чем видно соединение исламских представлений и традиционно иранских взглядов на культуру оружия, известную еще как минимум со времен Сасанидов.

С XV в. увеличивается число сохранившихся образцов холодного оружия, использовавшихся на Ближнем и Среднем Востоке. Среди клинков XV в. есть те, которые атрибутируются как иранские: это и сабли (некоторые из них приписываются даже Тимуру или представителям основанной им династии), и мечи, и кинжалы, хотя точно датировать предметы вооружения этого времени достаточно трудно. Особенно это касается экземпляров, на

которых нет надписей – довольно частого приема декорирования предметов вооружения. Образцы с надписями можно датировать точнее, сопоставляя не только орнаментику, но и тексты с другими точно датированными материальными памятниками, а также сравнивая почерк с почерком, использовавшимся в рукописях.

В целом, судя по данным разных источников, к XVI в. основные традиции иранской оружейной культуры, с преобладанием клинкового оружия в качестве ритуально-церемониального, сохраняются и получают дальнейшее развитие в условиях, определенных исламом и новыми типами клинкового оружия.

В XVI в. в Иранской истории и культуре начался новый этап, связанный с формированием Сефевидского государства.

Иранскому оружию XVI – XIX вв. посвящена **третья глава** данного исследования, озаглавленная «Иранское оружие XVI - XIX вв.».

В 1501 г. представителями тюркской азербайджанской династии Сефевидов на территории Ирана было образовано новое государство. К концу XVI - началу XVII в. правящая династия достаточно «иранизировалась», и иранские культурные традиции стали снова доминировать в придворной культуре.

Клинковое оружие использовалось в обряде возведения на престол Сефевидские владыки. В процессе этой церемонии шаха опоясывали и жаловали ему клинок. Церемония опоясывания известна во многих ближневосточных культурах. В иранской культуре эта традиция бытует еще со времен скифов. Сохранилась она и в исламское время: со времени правления династии Сельджуков зафиксировано участие в этой церемонии двух клинков; Тугрул-беку аббасидский халиф жаловал их наряду с двумя венцами, символизировавшими власть над Востоком и Западом. При этом два клинка тоже, как представляется, были знаками военного господства над Востоком и Западом. При возведении на престол Сефевидских шахов участвовали, во-первых, клинок, передававшийся от монарха к монарху, и, во-вторых, личный

клинок коронуемого царя. Согласно письменным источникам, одним из этих клинков была сабля, другим, возможно, был меч, символизовавший преемственность власти, восходящей к имаму Али. Для XIV и XV вв. участие двух клинков в тронных сценах зафиксировано в миниатюрной живописи. Эта традиция сохранилась вплоть до династии Каджаров.

Судя по данным письменных источников и миниатюрам, оружие, участвовавшее в официальных церемониях, было весьма пышно декорировано. Примеры таких парадных клинков составляют большинство материальных памятников, сохраняющихся от периода XVI-XVIII вв. Немногочисленные памятники XVI в. декорированы весьма сдержанно, и только к рубежу XVI-XVII в. декор становится особенно изысканным. Иногда клинки подписаны именем мастера. Одними из самых распространенных имен этого периода были легендарные Асад-Аллах Исфাহани и Калб-Али. По мнению одних исследователей, это были отец и сын, работавшие в XVII в. при дворе иранского шаха Аббаса Великого, другие исследователи полагают, эти имена писали придворные мастера XVII в. и более позднего времени на высококлассных клинках как знаки качества, а простые оружейники этими, несомненно, известными «клеймами» просто украшали свое оружие. Последняя точка зрения представляется вполне убедительной во многом потому, что в письменных источниках, в первую очередь, персидских, не содержится никаких данных об оружейниках Ирана, тогда как в отношении столь выдающихся мастеров, каким должны были быть эти оружейники, это было бы едва ли возможно.

Во времена правления шаха Аббаса Великого (последняя четверть XVI-первая треть XVII в.) получили распространение не только обычные сабли с кривизной в нижней трети клинка, но и так называемые *шамширы* - особенно изысканные неширокие, но довольно толстые сабли с плавным изгибом со второй трети клинка, суженого к острию. Эти сабли стали характерны только для иранского клинкового оружия, которому подражали в сопредельных странах.

Кроме сабель в Иране сефевидского времени были распространены разного типа кинжалы: *кард* - кинжал, по форме напоминающий нож, который с XVI в. был распространен не только среди аристократов, но и среди нетитулованных особ; длинный кинжал с рукоятью в виде головы птицы (кинжал принцев); кинжал типа *бебут* - слегка изогнутый кинжал с рукоятью в виде латинской буквы «I». Он был социальным маркером аристократического сословия и военного чина.

Кинжал был еще и знаком мужского достоинства его владельца. В нем, как и в любом другом клинковом оружии, больше всего ценился собственно клинок. Как показывают материальные памятники, лучшие клинки в сефевидском Иране, изготавливались из высококлассной стали – булата, как индийского, так и персидского производства. В Иране лучший металл и клинки делали в Хорасане и столичном Исфахане.

Обладание знаниями в производстве булата для Ирана сефевидского времени было сопоставимо с обладанием своеобразными «высокими технологиями», что, в свою очередь, служило и служит знаком мощи и силы государства. Это значение булата стало осознаваться только во время правления династии Сефевидов, и булатные клинки сефевидские шахи начали посылать монархам других стран в качестве дипломатических даров. При этом в Иране высококлассные клинки изготавливались только для дворцовых нужд. По данным письменных источников, боевое оружие Сефевидской армии было не очень высокого качества, по крайней мере, уступавшим турецкому. Семиотический статус булата и изготовленного из него клинка как знака мощи государства осознавался и в дальнейшем, особенно при правлении династии Каджаров (конец XVIII в. – XIX вв.).

После крушения Сефевидского государства, в период междоусобиц и вторжений захватчиков, в Иране, конечно, функционировало большое количество боевого оружия, однако от него практически ничего не сохранилось. Из парадного оружия до настоящего времени дошли экземпляры, датирующиеся либо началом XVIII в., либо периодом правления династии

Афшаров. Судя по письменным источникам, этнографический статус холодного и особенно клинкового оружия оставался высоким.

Оружие конца XVII-XVIII вв. исполнялось уже из не очень сложных по технике изготовления, а следовательно, и менее ценных сортов булата, что связано с экономическим упадком в Иране этого периода и с утратой большинства технологий. В Иране этого времени продолжали функционировать те же типы холодного оружия, хотя произошли и изменения, коснувшиеся, прежде всего, разных типов кинжалов, которые широко распространились в разных социальных слоях иранского общества.

С приходом к власти в Иране династии Каджаров, представители которой управляли страной весь XIX в., иранская придворная культура снова достигла большого размаха. Предметы вооружения, в первую очередь сабли, опять стали фигурировать в качестве подарков правящим династиям иностранных государств и людям, угодным шаху. Кинжалы и сабли продолжали дополнять парадный костюм иранского владыки, при этом для каждого царского платья создавался отдельный набор вооружения из пояса, сабли, кинжала и иногда булавы. Несмотря на широкое распространение огнестрельного оружия, которое иногда тоже дополняло костюмы шахов, сабли всегда оставались неотъемлемым атрибутом царского платья, а кинжал – платья почти каждого иранца. Сабля становится оружием кавалеристов и конных артиллеристов, а к рубежу XIX-XX вв. – всякого, чья жизнь и ремесло связаны с конем. Наряду с кинжалами и саблями фигурировали и прямые мечи, что вполне вписывается в выбранную Каджарами концепцию их наследования Сефевидам. Прямые мечи могли использоваться и в шиитских религиозных театральных представлениях.

Практически для любого оружия, особенно для парадного, был обязателен декор. В древний период клинки декорировали священным для иранцев золотом, таким образом подчеркивая их причастность к обрядово-ритуальной сфере. Обкладки украшались либо изображениями животных, либо растительным и геометрическим орнаментом, характерным для предметов вооружения и во время правления династии Сасанидов. Практически все эти

приемы остались актуальными и в исламское время. Декорировались не только оправы, но и собственно клинки, на которых мастера при помощи разных видов таушировки искусно создавали элементы декора, включавшие в это время надписи из коранического текста, отрывки из стихов персидских поэтов и магические квадраты. Все это, а также данные письменных и живописных источников, говорит о том, что с течением времени в иранской традиции клинковое оружие в полной мере стало элементом не только бытовой, но и обрядово-ритуальной сферы в рамках культуры ислама, для которой характерно почитание коранического текста и написанного или произнесенного слова.

В иранской традиции исламского периода с обрядово-ритуальной сферой связана культура суфиев. Этой культуре были причастны и предметы вооружения. Об этом свидетельствует характер их декоративного оформления, за которым просматриваются мистические смыслы.

Орнаментика на иранских клинках традиционно располагается в нижней части клинка, у самой рукояти. Особенно это стало заметно на клинках сефевидской эпохи: мастера этого времени наносили на булатный клинок текст или витиеватый узор, подчеркивавший, с одной стороны, мастерство исполнителя, а с другой, важность самого клинка и металла. Наносить на клинок коранические надписи мастера могли только в состоянии ритуальной чистоты. С XVII в. рукояти и ножны клинков стали украшать миниатюрной живописью, изображающей чаще всего райский сад, молодых юношей и девушек. Символика клинка и его семиотический статус усиливала цветовая гамма, возникавшая на оружии благодаря цветным камням, особенно распространившимся в каджарский период. Кроме того, согласно письменным источникам, драгоценные камни, жемчуг, горный хрусталь, агат, нефрит, кость и др. несли выраженную семантическую нагрузку: нефрит – камень победы; жемчуг – один из ярчайших коранических образов, символ чистоты; шпинель, рубин – уста красавицы и т.д.

Суфийские братства действительно широко распространились в исламском мире, и в частности в Иране. Суфии несли военную службу, придавая ей значение религиозного служения, вовлекались и в политическую деятельность. Особенно ярко выраженным это стало в период правления Сефевидов, возводивших свой род к суфийскому шейху. Суфии участвовали в возведении на престол нового монарха, служили они и в сефевидской армии. В конце концов, суфизм стал ассоциироваться с военным искусством. В набор личных вещей суфиев входило оружие, использовавшееся, прежде всего, как церемониальное и защитное. Это кинжалы-карды и особенно так называемые *табарзины* – приседельные топоры. Самые ранние экземпляры таких топоров относятся ко временам Сефевидов и Афшаров, хотя, судя по изображениям, они были известны и в более раннее время. Как показал анализ, табарзинами назывались два разных типа топоров, которые использовались не только и, возможно, не столько в качестве боевого оружия, сколько в качестве церемониального. Изображения топоров-секир обоих типов есть на персидских миниатюрах, где они вложены, как показано в работе, в руки личных гвардейцев правящих монархов, а также суфиев, тоже непосредственно связанных с монаршими особами. Оружие на миниатюрах декорировано золочением, что свидетельствует о его ритуальном назначении. Сохранившиеся экземпляры таких топоров-секир также декорированы золочением, растительным и эпиграфическим орнаментом.

К XIX в. в среде суфиев возобладал один из типов топоров - с загнутыми к рукояти обоими концами клинка. Экземпляры таких секир сохранились в музейных коллекциях (например, в МАЭ РАН). Они продолжали использоваться как церемониальные, например, в ритуалах жертвоприношения. Дервиши просили подаяние, положив секиру на плечо. О церемониальном характере этих секир говорят и приемы их декорирования - инкрустация стали драгоценными металлами (для указанного времени преимущественно серебром), а также растительный орнамент и цитаты из стихов персидских

поэтов на клинке. В ритуальном дервишеском обиходе использовались еще мечи.

Таким образом, исходя из результатов проведенного исследования, можно заключить, что высокий этнографический статус, появившийся у предметов холодного оружия в древнеиранский период, сохранился и развивался на протяжении всей иранской истории. Предметы вооружения были вовлечены в обрядово-ритуальную сферу иранской этнической культуры и в качестве знака монаршего и аристократического достоинства, и как предметы, использовавшиеся в религиозных церемониях (для древнеиранского периода – обряды в храмах огня, для периода ислама – шиитские религиозные представления, суфийско-дервишеские обряды и ритуалы). Кроме того, было показано, что предметы вооружения, как в культурах почти всех народов, входили практически во все сферы иранской этнической культуры (сферу первичного производства и жизнеобеспечения, гуманитарную сферу), а их этнографический статус, особенно в период древней иранской истории, отличался от статуса предметов вооружения других ближневосточных народов. Эти выводы отражены в **заключении** к данному диссертационному исследованию.

В **приложении**, разделенном на две части, приводится общая характеристика иранских оружейных коллекций Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН, а также иллюстрированный каталог хранящихся в музее предметов клинкового и ударного оружия ираноязычных народов в количестве 28 номеров.

На обсуждение предлагается вынести следующие вопросы:

1. семиотический статус предметов холодного оружия в сфере жизнеобеспечения и гуманитарной сфере иранской этнической культуры;
2. специфика использования клинкового оружия в обрядово-ритуальной сфере иранской аристократической культуры.

Основные положения диссертационного исследования отражены в следующих публикациях:

Рецензируемые журналы:

1. Малозёмова Е.И. Холодное оружие и защитное вооружение иранцев в коллекции МАЭ РАН (Кунсткамера)./Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И.Герцена. Аспирантские тетради. №24(55). СПб., 2008. С. 213-217.

2. Малозёмова Е.И. Оружие суфийских мистиков./ Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И.Герцена. Аспирантские тетради. № 35. СПб., 2008. С.238-241.

Статьи:

3. Малозёмова Е.И. Культура оружия в Иране: традиции и инновации./Сборник докладов I Международного коллоквиума молодых ученых «Науки о культуре в новом тысячелетии». Ярославль, 2007. С. 231-235.

4. Малозёмова Е. И. Холодное оружие Ирана XVII-XIX вв.: роль и значение (на примере памятников из коллекций МАЭ РАН и Эрмитажа). /Искусство нового и новейшего времени. Сборник научных статей Кафедры искусствоведения Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов. Выпуск 1. СПб., 2006. С. 152-158.